

structured vs. LL: slowly growing, dispersed, highly structured [6]; (b) myelination – EL: low vs. LL: high [7]; (c) lateralization – EL: incomplete vs. LL: complete; (d) neural plasticity – EL: plasticity of neural substance vs. LL: functional plasticity related to memory and learning [8; 9]. A second language is unconsciously wired into and entrenched in the brain of an EL, where it is processed by the procedural memory. A second language is consciously introduced into the brain of a LL, where it is formalized and processed by the declarative memory. Therefore, early and late learners have their own efficient brain capacities for acquisition of a second language [10; 11; 12; 13]. The discussion of benefits given to the brain by early and late bilingualism includes, among others, the references to changing the brain's structure and functions, positive impacts of code switching, and interaction of neuron networks intended for processing the first and second languages in the bilingual brain/mind.

Conclusion. To effectively use the resources of a LL's brain / mind, the system of teaching a FL should employ algorithmic structuring of the linguistic information applied in different thematically coherent communicative contexts. The guidelines for such structuring, based on the data obtained by cognitive linguistics, are now drawn up by the authors of this paper.

Key words: methods of teaching foreign languages, brain-based learning, adult learners, neurolinguistics, brain of children and adults, neuron networks, myelination lateralization, neuroplasticity, impact of bilingualism upon the brain.

Надійшла до редакції 19.02.2016

Прийнято до друку 09.03.2016

УДК 81'42

СЕЛИВАНОВА Елена Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и практики
перевода Черкасского национального
университета имени Богдана Хмельницкого
e-mail: o_selivanova@ukr.net

ИНТЕРТЕКСТ КАК КЛЮЧ ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КРОССВОРДА

В статье охарактеризовано интертекстовую информацию как один из типов социокультурной информации, служащей ключом для разгадывания кроссворда. Кроссворд является разновидностью энигматического дискурса, ибо его полная знаковая репрезентация возможна лишь при непосредственном участии адресата, выполняющего стратегическую программу адресанта. Кроссворд погружен в мир интертекста и реализует множественные интересемиотические связи в универсуме культуры. Адресаты кроссворда при его разгадывании опираются на лингвокультурную компетенцию, в том числе на знание интертекста.

Ключевые слова: энигматический дискурс, кроссворд, социокультурная информация, лингвокультурная компетенция, интертекст, прецедентный феномен.

Постановка проблемы. Энигматический дискурс представляет собой коммуникативное событие, знаковым посредником которого служит энигматический текст, обладающий мощным интерактивным потенциалом, так как его полная знаковая репрезентация возможна при непосредственном участии адресата, выполняющего стратегическую программу адресанта. Данная программа направлена на поиск ответов на вопросы и задания, поставленные в тексте; ее конечными целями служат интеллектуальный тренинг, развлечение, поиск и познание новой информации; игра, основанная на смекалке, сообразительности, знаниях в различных сферах, чувстве юмора.

Кроссворд в живой коммуникации – это дискурс, посредником которого служит текст, имеющий природу гипертекста, определенную степень зашифрованности, ориентированный на разгадываемость и предназначенный, как правило, для интеллектуального тренинга и развлечения. Кроссворд обладает специфическими канонами жанра [1, с. 26–52].

Ключи энигматического дискурса как базу поиска ответов на задания кроссворда рассматриваются нами в двух аспектах, сопоставляемых с двумя уровнями продуцирования и понимания (интерпретации) смыслового массива любого текста: вербальном и когнитивном. Вербальный уровень в тексте кроссвордов представлен языковым оформлением заданий, на основе которого адресат должен вывести вербальный ответ, заполнив им соответствующие пустые клетки. Вербальная форма задания является средством доступа к когнитивному уровню, служащему основным в процессе поиска правильного решения.

Когнитивный уровень предполагает обращение к знаниям, различного рода информации, наличествующей в сознании адресата. Данные знания формируются на базе когниции – познавательного процесса, результатами которого являются приобретение опыта, получение информации путем сенсомоторного восприятия мира с помощью органов чувств, интериоризации в сознании результатов этого восприятия, обработки и переработки полученных знаний на базе внутреннего рефлексивного опыта, систем категоризации и концептуализации, а также языковой интерпретации и переинтерпретации (в метафорических знаках).

Одним из интерпретационных ключей кроссвордов служит интертекст, социокультурная информация которого проецируется на различные компоненты структуры знаний и погружает адресата в семиотический универсум культуры народа.

Анализ последних исследований. Кроссворд, в отличие от иного энигматического жанра – загадки, практически оказался вне сферы внимания лингвистов. Интерес к данному дискурсу появился в последнее десятилетие в связи с его культурологической составляющей. Пионерскими в этой области можно считать исследования социолингвистических особенностей кроссворда украинской лингвистики И. В. Абрамец [2], русских языковедов В. В. Красных [3], И. В. Захаренко [4], описавших отражение в кроссвордах русской когнитивной базы и русского культурного пространства, а также диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Е. А. Денисовой [5], посвященную структуре и функциям энигматического текста на материале русских загадок и кроссвордов. На концепцию данной диссертации опирается диссертация М. В. Волковой [6], исследовавшей загадки и кроссворды на материале немецкого языка в семантическом и прагматическом аспектах. Арабские кроссворды стали объектом анализа О. Б. Спрысы [7]. Однако вне зависимости от языка, в котором функционирует данный жанр, когнитивный механизм разгадывания кроссворда и его вербальные ключи остались вне поля зрения исследователей.

Целью статьи является характеристика одного из важнейших ключей поиска решений кроссвордов – интертекстовой информации и ее вербальной репрезентации. **Объектом** исследования послужили тексты русских кроссвордов, а **предметом** – интертекстовые и интерсемиотические знания, служащие ключом для разгадывания ряда заданий кроссвордов.

Изложение материала исследования. Социокультурная информация представляет собой знания о культуре (цивилизационной, этнической, групповой) и бытийной (социальной, политической, экономической и проч.) сфере ее существования. Культура рассматривается нами как согласованная система идей, установок, схем мышления и поведения, этических и эстетических ценностей, норм, реализующихся в повседневной деятельности социума, а также материально-знаковое воплощение этой системы в различных семиотических сферах, в том числе в естественном языке.

Несмотря на множественные попытки трактовать культуру как «совокупность культурных предметов, данных каждому члену общности для распремечивания» [8, с. 18], понятие культуры намного шире: она отображена во всей организации деятельности цивилизации, этноса или группы. Исследователи подчеркивали деятельностный характер культуры, трактуя ее как совокупность специфических средств и механизмов, благодаря

которым стимулируется, программируется, регулируется, физически обеспечивается и воссоздается деятельность людей [9, с. 10].

Культура имеет когнитивную проекцию, так как отражена прежде всего в коллективном сознании людей как способ существования культурной группы во взаимодействии с природой, социумом, окружающим миром. Американский исследователь В. Гуденаф квалифицировал культуру не столько как материальное явление, состоящее из вещей, людей, их поведения, сколько как организацию этих составляющих в сознании в виде определенных моделей познания и интерпретации мира [10, с. 13].

Фильтром социокультурной информации для адресатов кроссвордов служит лингвокультурная компетенция – способность носителей определенной этнической культуры и языка опознавать в языковых единицах и речевых продуктах культурно значимые установки и нормы, ценностные ориентиры, культурные коды и возможности их метафорической переинтерпретации, а также организовывать свое коммуникативное поведение в соответствии с этими культурными знаниями.

Лингвокультурная компетенция определяет самоидентификацию человека как представителя определенного этноса, то есть параметры этничности и культурной идентичности как осознания человеком своей принадлежности к определенной культуре путем признания ее ценностей, норм, идей, приоритетов, вкусов, традиций и т. п., отождествление себя с культурными образцами, что позволяет ориентироваться в определенной социокультурной среде, упорядочивать собственную жизнедеятельность, предвидеть ее последствия, избирать тот или другой тип, манеру и форму общения [11, с. 275].

Когнитивные модели культуры воплощаются в языке и его дискурсивных практиках. В энigmatическом дискурсе кроссвордов социокультурная информация реализуется во фразеологизмах, интертекстуальных и интерсемиотических связях, в вербализации прецедентных феноменов, символов, стереотипов и реалий.

Множество заданий кроссвордов черпают социокультурную информацию из других текстов и знаковых продуктов культуры, что служит проявлением категорий интертекстуальности и шире – интерсемиотичности, осуществляющих диалогическую связь данного текста в семиотическом универсуме культуры со знаковыми продуктами предшествующей культурной традиции.

Трактовка данных категорий опирается на идеи Р. О. Якобсона, определявшего текст как нерасчлененный сигнал в знаковом пространстве (универсуме) культуры, своего рода «информационный генератор, имеющий черты интеллектуальной личности» [12, с. 104–105], на концепцию диалогичности гуманитарного знания М. М. Бахтина, учение о семиосфере и семиотическом универсуме Ю. М. Лотмана, рассматривавшего текст в определенной семиосфере по аналогии с понятием «биосферы» В. И. Вернадского.

Понятие универсума ввел Р. О. Якобсон, считавший таковым накопленный этносом или человечеством коммуникативный опыт, коррелирующий с системами науки, культуры. Ю. М. Лотман характеризовал семиотический универсум как единый механизм, в котором любой текст становится знаковым актом, соотносимым с принципами и закономерностями универсума и выявляющим признаки изоморфизма с культурой в целом, что оптимизирует восприятие и понимание текста адресатом [13, с. 13].

К проблеме связи текстов с другими текстами обращались Ю. Кристева, Р. Барт, К. Леви-Стросс, М. Фуко, У. Эко, А.Н. Веселовский, А. А. Потебня, В. В. Виноградов, А. Беннет, О. Розеншток-Хюсси, С. Фиш, Р. Богранд, М. Риффатер, Ж. Деррида и др. Р. Барт называл интертекст «перспективой множества цитаций; миражом, созданным из множества структур: единицы, созданные этим кодом есть ничто иное, как отголоски чего-то, что было прочитано, издано, сделано, пережито» [14, с. 39]. У. Эко ввел понятие интертекстуального диалога [15].

Интертекстуальная компетенция адресата моделируется в когнитивной лингвистике в виде читательских фреймов, являющихся не только средствами перекодирования каждого

нового текста, но и механизмами расширения и обновления глобального интертекстуального фрейма. Б. М. Гаспаров в книге «Язык, память, образ: лингвистика языкового существования» обосновывает интертекстуальность как непрерывный поток цитаций, имеющий лингвистическую основу, поскольку он использует коммуникативные фрагменты как «первичные, непосредственно заданные в сознании единицы языковой деятельности, готовые блоки» [16, с. 122].

Задания кроссвордов содержат отсылки к различным художественным, в том числе фольклорным текстам, текстам песен, мифологической и религиозной литературы, произведениям живописи, скульптуры, архитектуры, киноискусства, театра, телевидения и т. п.

Обычно ключом к ответу на задание служит вербализация автора текста или создателя произведения искусства. Сопровождающим элементом является наименование героя по его главному действию, состоянию или какому-либо атрибуту, требующее указания в ответе его имени (*шекспировский душитель (Отелло)*; *тургеневский герой, утопивший Муму (Герасим)*; *пушкинский князь бочки (Гвидон)*). Наряду с именем автора в заданиях также упоминаются фрагменты его наиболее известных произведений или часть их названия: *на шее Чеховского героя (Анна)* – рассказ «Анна на шее»; *майская любовь Тютчева (гроза)* – актуализация стихотворной строки поэта: *Люблю грозу в начале мая; под ним убит герой Твардовского (Ржев)* из стихотворения «Я убит подо Ржевом».

Ответ на задание с упоминанием фамилии автора предполагает определение наиболее актуального жанра или стиля писателя, художника, музыканта, скульптора, архитектора и проч. (*любимый жанр Бажова (сказ)*; *жанр Омара Хайяма (рубаи)*; *Айвазовский как художник (маринист)*; *Вережагин как художник (баталист)*; *любимый жанр Кальмана (оперетта)*); его наиболее известного произведения, роли, телепрограммы (*знаменитая икона Рублева (Троица)*; *адмирал, сыгранный Хабенским (Колчак)*; *Валентин Смирнитский как мушкетер Людовика XIII (Портос)*; *человек Родена (Мыслитель)*; *шедевр Верди про рабыню (Аида)*; *вкусно, как у Урганта (Смак)*; *дон Марлон Брандо (Корлеоне)*); или произведения на определенную тему (*пиратская поэма Байрона (Корсар)*).

Фамилия или имя героев произведений в задании служат стимулом для поиска ответа фамилии автора, при этом вербальными ключами являются метафоры родства: *литературный папа Чука и Гека (Гайдар)*; *один из двух отцов великого комбинатора (Петров)*. Название или тема произведения в задании также определяет поиск ответа, отмеченного гиперонимом – фамилии творца или исполнителя: *композитор с хитом «Болеро» (Равель)*; *певица с букетом горной лаванды (Ротару)*; *художник с девятым валом (Айвазовский)*. Иногда такую же функцию выполняет цитата из произведения: *поэт, которому осталась одна забава – «пальцы в рот» (Есенин)*.

В задании фамилия или имя героя произведения могут указывать на иного персонажа, соотношение с которым вербализовано главным словом или описанием: *подруга Кая (Герда)*; *подруга кузнеца Вакулы (Оксана)*; *возлюбленный Психеи (Эрот)*; *царевич, которому помогал волк (Иван)*; *приемный отец Маугли (Акела)*; *папаша Тотоши и Кокоши (Крокодил)*; *оппонент Дубровского (Троекуров)*; *возлюбленная Дубровского (Маша)*; *его сердце разморозила Герда (Кай)*; *оруженосец Дон Кихота (Панса)*; *жених коронованной лягушки (Иван)*; *кучер Чичикова (Селифан)*.

Свойство, занятие персонажа или мифологического героя, его атрибуты, сценарии поведения, особенности речи, представленные в задании, определяют ответ – имя героя: *доктор из сериала (Хаус)*; *девочка-Длинный чулок (Пепти)*; *самый знаменитый продавец тиявок (Дуремар)*; *герой в самом расцвете лет (Карлсон)*; *библейский великан и силач (Голиаф)*; *малышка, облаявшая слона (Моська)*; *котенок из мультика (Гав)*; *жарила царевичей в печке (Яга)*; *едок Демьяновой ухи (Фока)*; *дядя, живший в хижине (Том)*; *Юстасу весточки слал (Алекс)*; *хозяин уязвимой пяты (Ахилл)*; *этого доброго доктора*

правильнее всего было бы назвать ветеринаром (Айболит); мальчик, совершивший сказочное путешествие на диких гусях (Нильс).

Ответ может предусматривать наименование профессии героев произведений: профессия Гоши (слесарь) – из кинофильма «Москва слезам не верит»; профессия Вакулы и Будулая (кузнец) – из повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и романа и кинофильма «Цыган».

Сценарии фрагментов произведений фольклора, литературы и искусства являются когнитивными ключами заданий, ответами на которые служат различные пропозициональные компоненты:

- субъект (влюбленный из Вероны (Ромео); мифический держатель неба (Атлант); богиня с повязкой (Фемида));

- объект (ее не брал Верецагин (мзда); над ним чахнет Кощей (злато); их заготавливал Бендер (рога); его кушают, сделав паузу (Твикс); коллективно вытянутый овощ (репка));

- локатив (туда Муха за самоваром пошла (базар); золотое сиденье в детской считалке (крыльцо); водоем Тортилы (пруд); остров Минотавра (Крит); гора, где Ной якорь бросил (Арарат); там леший бродит, русалка на ветвях сидит (лукоморье); окружение острова Невезения (океан));

- комитатив (фруктовая добавка к рябчику (ананас); старуха с Лариской (Шапокляк));

- финитив (золотая цель Ясона (руно));

- медиатив (буря ею небо кроет (мгла); лекарство для Буратино (касторка));

- инструментив (плавсредство Ноя (ковчег); транспорт рыбачки Сони (баркас); орудие рыжего, конопатого (лопата); повозка боярыни Морозовой (сани));

- темпоратив (... в путь дорогу (пора); четвертые ... пылают станции (сутки); время стрелецкой казни (утро));

- фабрикатив (из него солдат кашу варил (топор)) и др.

Фрагменты цитат литературных произведений, песен и проч. в заданиях кроссвордов могут быть ключами ответов: ей противопоказана соль (рана) – из строки песни «не сыть мне соль на рану»; где-то плачет, схоронясь в дупло (иволга) – из стихотворения С. А. Есенина.

В заданиях с интертекстуальной информацией когнитивные и вербальные ключи также извлекаются из структур знаний об обозначаемом и их вербального наполнения. Метафоризация компонентов интертекста может быть как перенесена из произведений в задание или ответ (лучший друг девушек в каратах (бриллиант); алкогольный эликсир истины (вино); жало мудрой змеи (язык)), так и осуществляться в самом задании кроссворда (пионер авиации (миф.) (Икар)). Метафора может быть результатом омонимии, возникшей путем деонимизации: металл, обреченный на муки (тантал) – название металла образовано от онима, обозначающего мифического героя Тантала, обреченного по воле богов на муки голода и жажды.

В заданиях кроссвордов строки литературных произведений могут искажаться путем введения дополнительных компонентов из других доменов, что создает комический эффект: семья-то большая, да все мафиози (клан).

Интертекстовая информация опирается также на знания прецедентных текстов как разновидности прецедентных феноменов – компонентов знаний, обозначение и содержание которых хорошо известны представителям определенной этнокультурной общности, актуальных и используемых в когнитивном и коммуникативном планах.

Понятие прецедентного текста было рассмотрено Ю. Н. Карауловым, который квалифицировал данную разновидность прецедентных феноменов как «1) значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) имеющий надличностный характер, то есть он хорошо известный широкой аудитории; 3) текст, обращение к которому повторяется в дискурсе определенной языковой личности» [17,

с. 216]. Исследователь относил к прецедентным текстам цитаты, имена персонажей и произведений, а также их авторов.

На наш взгляд, понятие «прецедентный текст» может иметь двойное толкование: как текст, представленный в сознании в виде конденсированной смысловой структуры, фиксирующей содержание и замысел автора; и как знаковое средство репрезентации прецедентного феномена, извлекаемое из памяти в неизменном целостном виде. В первом значении прецедентный текст создает «прецедентное поле», фрагменты которого используются во вторичном тексте как «средства когнитивно-эмотивного и аксиологического фокусирования смысловой массы» первичного (прецедентного) текста [18, с. 98–117]. Такой текст становится поставщиком различных знаков прецедентных феноменов: цитат, аллюзий, реминисценций, имен героев, высказываний о ситуациях в тексте и т. п.

Прецедентный текст во втором значении полностью наличествует в памяти и в речи воспроизводится в готовом виде (к примеру, стихотворение, считалка, загадка, молитва, песня, реклама и т. п.). Ю. Н. Караулов отмечает: «Прецедентные тексты образуют интертекстуальную энциклопедию, которая составляет основу презумпции интертекстуальности и существует в виде когнитивного уровня языковой личности как область культурной памяти, представленной набором текстов» [17, с. 12].

В заданиях кроссвордов ключами для поиска ответов служат когнитивные структуры обоих типов прецедентных текстов. Например, в задании у *Лермонтова он дух изгнания* ответ *Демон* апеллирует к тексту лермонтовского «Демона» исходя из фрагмента цитаты. К персонажу прецедентного текста романа А. Дюма «Три мушкетера» относит задание *заклейменная жена Атоса (Миледи)*. Задание *идейный враг Сухова (Абдулла)* извлекает из памяти сюжет фильма «Белое солнце пустыни» и его персонажей.

Прецедентный текст в целостном виде в заданиях кроссвордов обычно существует в виде известных загадок, считалок, рекламы, крылатых выражений с пропущенными словами, являющимися ответом: *не человек, а ходит (часы); меда не дает, а жалит (оса); по сеним ходит, а в избу не идет (дверь); на золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, ... (королевич); ... украшает человека (скромность); ... – райское наслаждение (Баунти); Сделай паузу – скушай ...! (Твикс)*. К таким прецедентным текстам может апеллировать задание кроссворда: *место отсидки А и Б (труба)* – относит к загадке *А и Б сидели на трубе. А упало. Б пропало. Что осталось на трубе?*

Выводы и перспективы исследования. Интертекстовые и интерсемиотические связи в кроссвордах значительно расширяют познавательные горизонты адресатов, способствуют интеллектуальному тренингу и углубляют осознание ими своей культурной идентичности. Перспективным для дальнейших исследований интертекста в дискурсе кроссвордов является анализ проекции задания кроссворда на когнитивные модели и их вербальное наполнение, позволяющей адресату извлечь из памяти читательский фрейм иного текста.

Список использованной литературы

1. Селиванова Е. А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция / Е. А. Селиванова. – Черкассы : Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. – 214 с.
2. Абрамец И. В. Языковая игра в кроссвордных толкованиях / И. В. Абрамец // Язык и социум: Материалы VII Междунар. науч. конф. : В 2-х ч. – Минск : РИВШ, 2007. – Ч. 1. – С. 168–170.
3. Красных В. В. Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 5–13.
4. Захаренко И. В. Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов / И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1998. – Вып. 5. – С. 32–40.
5. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов) / Е. А. Денисова : автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 24 с.

6. Волкова М. В. Загадка и кроссворд как типы текста : семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка) / М. В. Волкова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2011. – 24 с.
7. Сприса О. Б. Етномовні домінанти кодування смислу в дзеркалі кросвордів (україно-арабомовні паралелі) / О. Б. Сприса // Вісник Львівського ун-ту. Серія філологічна. – 2011. – Вип. 54. – С. 78–86.
8. Красных В. В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультуро́логія / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван, 1969. – 203 с.
10. Amerykańska antropologia kognitywna. – Warszawa, 1996. – 349 s.
11. Селіванова О. О. Основи теорії мовної комунікації : Підручник / О. О. Селіванова. – Черкаси : Ю. Чабаненко, 2011. – 350 с.
12. Якобсон Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи : В 3-т / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 2. – 424 с.
14. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 616 с.
15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М. : Петрополис, 1998. – 432 с.
16. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ : Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 134 с.
17. Караулов Ю. М. Русский язык и языковая личность / Ю. М. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
18. Сорокин Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание : парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98–117.

References

1. Selivanova, O. O. (2014). *Enigmatic discourse : Verbalization and cognition*. Cherkasy: Ed. by Ju. Chabanenko (in Russ.)
2. Abrametz, I. V. (2007). *Linguistic game in crossword interpretation*. In Language and social sphere : VII international science conference. Minsk, 168–170 (in Russ.)
3. Krasnih, V. V. (2000). National and cultural components of Russian verbal consciousness (in crosswords). *Yazyik, soznanie, kommunikatsiya (Language, consciousness, communication)*, 15, 5–13 (in Russ.)
4. Zacharenko, I. V. & Krasnih, V. V. (1998). Russian cognitive base and Russian cultural space in the mirror of crosswords. *Yazyik, soznanie, kommunikatsiya (Language, consciousness, communication)*, 5, 32–40 (in Russ.)
5. Denisova, J. A. (2008). *Structure and function of enigmatic text (on riddles and crosswords)*. Moscow (in Russ.)
6. Volkova, M. V. (2011). *Riddle and crossword as a types of text: semantic and pragmatic aspects (in German language)*. Smolensk (in Russ.)
7. Sprisa, O. B. (2011). Ethnic and language dominants of sense coding in the mirror of crosswords (Ukrainian and Arabian parallels). *Visnyk Lvivskogo universytetu. Seriya filologichna (Announcer of Lviv university. Series philological)*, 54, 78–86 (in Ukr.)
8. Krasnih, V. V. (2002). *Ethnic psycholinguistics and linguistic culturology*. Moscow: Gnosis (in Russ.)
9. Marcarjan, E. S. (1969). *Essays of theory of culture*. Yerevan (in Russ.)
10. *American cognitive anthropology* (1996). Warsaw
11. Selivanova, O. O. (2011). *Bases of theory of verbal communication: Textbook*. Cherkasy: Ed. by Ju. Chabanenko (in Ukr.)
12. Jakobson, R. (1985). *Select works*. Moscow: Progress (in Russ.)
13. Lotman, J. M. (1992). *Select articles*. T. 2. Tallinn : Alexandra (in Russ.)
14. Bart, R. (1994). *Select works : Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress (in Russ.)
15. Eko, U. (1998). *Absenting structure. A introduction of semiology*. Moscow: Petropolis (in Russ.)
16. Gasparov, B. M. (1996). *Language, memory, appearance : Linguistics of language existence*. Moscow: School «Language of Russian culture» (in Russ.)
17. Karaulov, J. M. (1987). *Russian language and language person*. Moscow: Science (in Russ.)

18. Sorokin, J. A. & Michaljova, I. M. (1993). *Precedent text as a method of fixing of verbal consciousness*. In *Language and verbal consciousness : paradoxical rationality*, Moscow: «CheRo», joint with «Yuwrite», 98–117. (in Russ.)

SELIVANOVA Elena Aleksandrovna,

Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Bohdan Khmelnytsky National University in Cherkasy

e-mail: o_selivanova@ukr.net

INTERTEXT AS THE CLUE OF CROSSWORD ENIGMATIC DISCOURSE

Abstract. Introduction. *The genre of crossword presupposes interactivity, stipulated by the intentions of the intellectual training, entertainment, game, new information cognition and orientation towards decoding.*

Purpose. The aim of the article is the characteristics of one of the most important clues for searching the ways for crosswords' decoding, i.e. intertextual information and its verbal representation.

The object of the research is the texts of Russian crosswords; **the subject matter** is the intertextual and intersemiotic knowledge as the clues for solving the crosswords' tasks.

Results. *The material of the research is 3000 texts of the Russian crosswords taken from 70 magazines. The basic method is the contextual-interpretation analysis. The results can be applied to teaching academic disciplines, such as discourse analysis and text theory. They can also be used for crosswords' makers.*

Crossword is immersed into the sphere of intertext and realizes intersemiotic connections in the cultural universum. This intertext is based on the linguocultural competence that determines self-identification of individuals as representatives of a certain ethnos. It also defines individuals' affiliation with a certain culture via recognizing its values, norms, ideas, priorities, tastes, traditions etc.

Originality. *Intertextual competence of an addressee is shaped as frames used both for transcoding new texts and as the mechanism for broadening and updating the global intertextual frame. The tasks of crosswords contain various types of references to these frames that are verbalized in folklore texts, literary and art works.*

Key words: *enigmatic discourse; crossword; social and cultural information; linguistic and cultural competence; intertext; precedent phenomenon.*

Надійшла до редакції 29.01.2016

Прийнято до друку 14.03.2016

УДК 801.541.45:808.3

КАЛЬКО Валентина Володимирівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри українського мовознавства і прикладної лінгвістики Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького
e-mail: mkalko@ukr.net

КОГНІТИВНО-ОНОМАСІОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ ФІТОНІМІВ-КОМПОЗИТІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Статтю присвячено проблемі мотивації українських фітонімів-комполітів у когнітивно-ономасіологічному аспекті. Опис мотиваційної природи досліджуваних мовних одиниць здійснено за допомогою методу когнітивно-ономасіологічного аналізу, розробленого О. О. Селівановою. Установлено, що українським фітонімам-комполітам властиві пропозиційний, асоціативно-термінальний і змішаний типи мотивації. Пропозиційно мотивованим складним найменуванням рослин властиве поєднання мотиватора-предиката з гіперонімом, локативом, фінітивом, об'єктом, локативом. Для асоціативно мотивованих фітонімів-комполітів мотиваційні ознаки обрано з донорських зон ЛЮДИНА і ТВАРИНА. Найбільш продуктивно в досліджуваному мовному матеріалі представлено композити, що мають змішаний тип мотивації, для якого характерний